

Часть 1. Предыстория

1. Проблема договора о ненападении в советско-польских отношениях 20-х гг.

Двусторонние договоры о взаимном ненападении явились сравнительно новым инструментом международных отношений, позволяющим восполнить пробелы системы коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций. Государствам, поставивших себя в положение изгоев, договоры о ненападении позволяли достичь краткосрочных политических целей, будь то укрепление своей безопасности или разделение потенциальных противников (одни из которых предлагались обязательства ненападения, другим нет). Неудивительно, что вслед за Советским Союзом (в 1925-1937 гг. заключившим соглашения о ненападении со всеми соседними странами, за исключением Румынии и Японии) этот инструмент широко использовала гитлеровская Германия в своих усилиях по разрушению послевоенного европейского порядка¹.

В 20-е гг., однако, договоры о ненападении рассматривались странами Западной и Восточной Европы в качестве важнейшего средства вовлечения большевистской России, отвергавшей основы Версальского мирного урегулирования, в систему международных обязательств. Первоначально советская дипломатия соглашалась предоставить западным соседям политические гарантии ненападения лишь при условии пересмотра установленных де-факто границ (Генуэзская конференция, апрель-май 1922 г.) или сокращения ими своих вооруженных сил (Московская конференция, декабрь 1922 г.)². В ином случае особый международно-правовой акт о ненападении между СССР и Польшей рассматривался как ненужное излишество, поскольку основы их сосуществования ранее получили закрепление в Мирном договоре 1921 г.³ К середине 20-х гг. под влиянием стабилизации положения в Центрально-Восточной Европе Москве пришлось расстаться как с надеждами на новый революционный подъем, так и с планами "генерального соглашения" с Польшей, включающего "исправление границ между СССР и Польшей" и разграничение сфер влияния в Прибалтике⁴. Наконец, оказавшись перед перспективой реинтеграции Германии в сообщество западных держав путем заключения с ними Рейнского гарантийного пакта, советские руководители были вынуждены взять курс на достижение *modus vivendi* с Польской Республикой. При этом "создание блока из Прибалтийских государств, Польши и Румынии" рассматривалось как таившее в себе "непосредственную угрозу опасности СССР"⁵. Поэтому, склоняясь к необходимости за-

¹ См.: R. Ahmann. Nichtangriffspakte: Entwicklung and operative Nutzung in Europa, 1922-1939: Mit einem Ausblick auf die Renaissance des Nichtangriffs-Verzages nach dem 2. Weltkrieg. Baden-Baden, 1988.

² См.: M.W. Graham. The Soviet Security Treaties // American Journal of International Law. Vol. 23, Issue 2 (Apr. 1929). P.338-340.

³ См., в частности: Запись беседы Г.В. Чичерина с С. Кентшинским, 1.2.1925 // ДВП СССР. Т. 8. С. 112.

⁴ См.: Докладная записка И.Л. Лоренца В.Л. Коппу, 30.12.1924. — АВП РФ. Ф.04. Оп.27. П.184. Д.5. Л.72-78; Протокол № 41 (особый № 28) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 18.12.1924. — РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д. 2. Л.49. Большинство приводимых решений Политбюро ЦК ВКП(б) к настоящему времени опубликовано: И.И. Костюшко (ред.). Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923-1944 гг. М., 1997; О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. 1928-1934. СПб., 2000; Г.М. Адиебеков и др. (ред.). Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923-1939. М., 2001. В данной работе, во избежание разночтений, при ссылке на протоколы Политбюро указывается их архивный шифр.

⁵ Протокол № 56 (особый № 43) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 9.4.1925. — РГА СПИ. Ф.17. Оп.162. Д.2. Л.108.

ключить с Польшей собственный гарантийный пакт (о взаимном ненападении и соблюдении нейтралитета в случае войны с третьим государством), советское руководство одновременно отвергло предложение МИД Польши о многостороннем договоре СССР со всеми его западными соседями.

В сентябре 1925 г. на переговорах в Варшаве нарком Г.В. Чичерин официально предложил начать переговоры о двустороннем пакте ненападения. Уже на предварительной стадии переговоров в первой половине 1926 г. выявилось намерение польского правительства придать советскому предложению более широкий и позитивный характер, использовать его для стабилизации положения в Восточной Европе и одновременно для укрепления позиций Польши в регионе. Оно потребовало заменить положение предполагаемого пакта об абсолютном нейтралитете договаривающихся сторон условным нейтралитетом, что означало бы прекращение обязательств ненападения в случае нападения одной из них на третье государство. "Учитывая напряженное положение, создавшееся в связи с приходом к власти Пилсудского", летом 1926 г. советское руководство согласилось на это условие, рассчитывая что намечавшийся визит в Москву нового министра иностранных дел Польши А. Залеского будет использован "для подписания договора с Польшей о ненападении"⁶. Варшава, однако, заявила о желательности "до начала переговоров о пакте выяснить точки зрения обеих сторон по важнейшим вопросам", что поручалось новому посланнику РП в СССР Станиславу Патеку. В ходе бесед и переговоров Патека с руководителями НКВД на протяжении весны-осени 1927 г. выявилось главное непреодолимое разногласие: Польша исключала возможность если не заключения пакта с СССР, то его вступления в силу до подписания Советами аналогичных пактов с лимитрофами (Латвией, Эстонией, Финляндией). Дополнительные осложнения были вызваны отказом Москвы от упоминания в тексте договора обязательств Польши как члена Лиги Наций и советским требованием включить в договор статью о неучастии в группировках, враждебных другой стороне. При этом на переговорах 1927 г. наметился компромисс относительно условий согласительной процедуры для разрешения споров между сторонами (СССР отказывался от применения норм международного арбитража). По оценке НКВД, "беседа тов. Чичерина с Патеком от 22 сентября 1927 г. фактически закончила наши переговоры с Польшей о гарантийном пакте"⁷ (формально они были прерваны в январе 1928 г.).

Новая возможность достичь политической нормализации в двусторонних отношениях появилась в конце 1928 г., когда Советский Союз предложил Польше и Литве подписать протокол о немедленном введении в силу пакта Бриана-Келлога об отказе от войны как орудия национальной политики. Отказ литовского правительства от советского предложения и умелое маневрирование польской дипломатии в январе 1929 г. поставили Москву перед выбором: либо согласиться с принципом "круглого стола" всех европейских соседей, либо признать неудачу своей инициативы. Подписание Московского протокола 9 февраля 1929 г. явилось, по выражению Патека, "очень успешным для Польши днем": "ZSSR uległ nam zasadniczo dopuszczając do podpisania Protokołu przy okrągłym stole z Rumunją i Bałtami"⁸. Укоренению в советской политике новых подходов, вытекавших из согласия СССР на многосторонний региональный акт, препятствовали неутешительные для нее ближайшие международные последствия Московского протокола, и в апреле 1929 г. советские руководители

⁶ Справка 1-го Западного отдела НКВД СССР о переговорах с Польшей о гарантийном пакте (1927-1931), [16.8.1931]. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.157-144; Протокол № 45 (особый №33) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.8.1926. – РГА СПИ. Ф.17. Оп. 162. Д.3. Л.100-101.

⁷ Справка 1-го Западного отдела НКВД СССР о переговорах с Польшей о гарантийном пакте (1927-1931), [16.8.1931].

⁸ Raport St. Patka do MSZ, Moskwa, 16.2.1929. – AAN. MSZ. Ambasada RP w Moskwie. T.58. S.31 (опубликовано в: S. Łopatniuk (red.). Protokół Moskiewski (9 luty 1929) // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. T.IV).

вступили на путь искусственного обострения отношений с Польшей⁹. "Военная тревога", достигшая кульминации в марте 1930 г., побудила Москву всерьез задуматься о возобновлении переговоров с поляками о пакте ненападения. В конечном счете Советы ограничились половинчатыми заявлениями о желании укреплять добрососедские отношения с Польшей, и в апреле 1930 г., под влиянием некоторой стабилизации внутреннего и международного положения СССР, идея советско-польского гарантийного договора вновь отошла на задний план¹⁰.

Нежелание Москвы взять на себя почин возобновления с Польшей переговоров о ненападении основывалось на целом ряде обстоятельств. Во-первых, советская дипломатия отдавала себе отчет в том, что инициирование ею новых переговоров предоставляло полякам возможность реализовать выдвинутые ими в 1926-1927 гг. условия заключения гарантийного пакта (тем более, что с главным из них – принципом "круглого стола" – Москва уже была вынуждена фактически согласиться в 1929 г.). Во-вторых, в стратегическом партнерстве СССР и Германии в начале 1930 г. обнаружилась глубокая трещина. Хотя кризис Рапалло к лету 1930 г. был временно преодолен, в обеих странах понимали, что серьезной основой для их политического сотрудничества могло являться лишь совместное продолжение антипольского курса. В-третьих, с весны 1930 г. в правящих кругах СССР появились надежды на то, что развитие экономического кризиса и связанных с ним социальных и национальных конфликтов вызовет дезинтеграцию "режима полковников" и предоставит Москве чрезвычайные выгоды для проведения решительной политики в отношении Польши. Наконец, покушение на взрыв здания советской миссии в конце апреля 1930 г. создало обстановку дипломатических трений вокруг проводимого польскими властями расследования. Единственной, пожалуй, областью советско-польских отношений, к развитию которых с лета 1930 г. Москва проявляла явный интерес, являлось обеспечение поставок в СССР черных металлов и каменного угля, что требовало и расширения советского экспорта в Польшу.

В дело, однако, вмешались новые обстоятельства, приведшие к фактическому возобновлению в конце 1930 г. переговоров о пакте ненападения – в Варшаве начал свою деятельность новый советский посланник.

2. «Советское предложение» 1930 г.

В январе 1930 г. в Варшаву прибыл новый полномочный представитель СССР – 45-летний Владимир Александрович Антонов-Овсеенко. Его революционной биографии могли бы позавидовать многие пилсудчики: военная служба и неутомимая конспирация, перестрелки с полицией, аресты и побеги из тюрем, смертный приговор. В октябре 1917 г. он руководил взятием Зимнего дворца, в гражданской войне командовал армиями и Украинским фронтом (1919). В начале 1924 г., после публичного обещания призвать к ответу "зарвавшихся партийных вождей", начальник Политуправления Красной Армии Антонов-Овсеенко был отправлен ими на дипломатическую работу – полпредом в Чехословакии (1924-1927) и Литве (1928-1929).

"Следует беспристрастно признать, что Антонов-Овсеенко является глубоко идейной личностью и, пожалуй, одним из последних «романтиков революции»», – свидетельствовал Ян Берсон,¹¹. Посвященность борьбе с царизмом сочеталась у него с импонирующим пил-

⁹ См. О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. 1928-1934. СПб., 2000. С.91-92.

¹⁰ См.: О. Кен. "Alarm wojenny" wiosną 1930 roku a stosunki sowiecko-polskie // Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. T.XXXV. S. 61-67.

¹¹ J. Berson (Otmar). Sowieckie zbrojenia moralne. Warszawa, 1937. S. 135. Замечания бывшего московского корреспондента «Gazety Polskiej» имеют особую ценность, поскольку были высказаны им уже

судчикам почти безразличным отношением к программным вопросам социальной революции: Антонов-Овсеенко начинал как эсер¹² и, побывав едва ли не во всех социал-демократических группировках, лишь в середине 1917 г. примкнул к большевикам. Основатель Варшавского военного комитета РСДРП, он, как вспоминал Б. Медзиньский, проходя мимо памятника Мицкевичу, демонстративно салютовал ему офицерской саблей¹³. В Польше помнили и его усилия поднять восстание гарнизона Новой Александрии. При вручении посланником верительных грамот главе государства 30 января 1930 г. они "говорили по-польски о прежней Варшаве, прежнем Дашинском, о вооруженной демонстрации на Гжибовской площади и т. д."¹⁴. Неудивительно, что последний президент Второй Республики (тогда – молодой заместитель начальника Восточного отдела МИД) с удовольствием констатировал: Антонов-Овсеенко "всегда был и является исключительно дружественным в отношении Польши"¹⁵.

Вряд ли могут быть сомнения, что принимая решение о назначении нового полпреда в Польше, Политбюро ЦК ВКП(б) рассчитывало, что репутация, старые связи и личные качества Антонова-Овсеенко помогут смягчить внешний эффект от внутренних и внешних потрясений, которые обещала вызвать начатая Кремлем "революция сверху"¹⁶. Однако благодаря тем самым чертам Антонова-Овсеенко, которые привлекли внимание к его кандидатуре, Наркомат по иностранным делам получил в его лице не только исполнителя, но и непростого партнера в определении советской политики в отношении Польши.

"Правильно!" – восклицал член Коллегии НКВД Борис Стомоняков (в чьем ведении находились отношения СССР с западными соседними государствами), читая в начале апреля 1930 г. рассуждения полпреда о том, что "всякое правительство пилсудчиков есть правительство подготовки войны с СССР" и кабинет В.Славека благодаря обострению внутривосточной обстановки в Польше и "в связи с известным международным положением может явиться правительством превентивной войны против СССР"¹⁷. Антонов-Овсеенко, однако, быстро осваивался в варшавских кругах, общаясь не только с разжигавшими его подозрительность национал-демократами, но и с видными пилсудчиками (Славеком, Матушевским, Свитальским, Голувко). Уже через месяц, оценивая ситуацию после покушения на варшавское полпредство, он утверждал: "Правительство Славека как таковое не заинтересовано в данное время в обострении отношений с нами"¹⁸. В конце мая Антонов-Овсеенко представил НКВД два письма-доклада о польской политике. Сужение социальной базы режима санации не означает ослабления правительства, утверждал он, "сеймовая оппозиция дезориентирована и дезорганизована", тем более нет в стране и революционной ситуации. Правительство Славека, прогнозировал полпред, "будет весьма склонно к миролюбивым жестам" и "не

тогда, когда Антонов занял более чем сомнительный пост Прокурора СССР, а самому Берсону, высланному в августе 1935 г. из Москвы, не приходилось считаться с мнением советских властей.

¹² Как известно, именно эсеров Пилсудский воспринимал как естественных воспреемников власти после крушения царизма.

¹³ В. Miedziński. Droga do Moskwy // Kultura. 1963. No.188. S.75 (в приводимых Медзиньским датах имеются неточности).

¹⁴ Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 30.1.1930. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.5. П.44. Д.34. Л.110. При посещении полпредом Львова в апреле 1931 г. он и воевода Наконечников вспомнили о своих встречах в Москве в 1918 г. (Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 29.4.1931. – Там же. Оп.15. П.155. Д.7. Л.113).

¹⁵ Ph.L. Cable to Secretary of State, Warsaw, 3.3.1930 (memorandum of interview with E. Raczynski, March 1). – NA. SD: 760c. 61/616.

¹⁶ См.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Указ. соч. С.170-172.

¹⁷ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 1.4.1930. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.14. П.149. Д.1. Л.42.

¹⁸ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 8.5.1930. – Там же. Л.94. Помета Стомонякова: "?".

прочь вести с нами переговоры о пакте [ненападения] и торговом договоре", хотя и не желает проявлять в этом деле инициативы. Внутренняя борьба в лагере пилсудчиков не позволяет польской дипломатии подать СССР ясный сигнал. Поэтому «я считал и считаю вполне возможным взятие нами дипломатического почина в отношении этих переговоров, – заключал свое обращение Антонов-Овсеенко. – Иное наше отношение будет лишь укреплять позиции крайне авантюрного крыла “полковников”»¹⁹.

В конце мая Коллегия Наркоминдела отклонила предложения Антонова-Овсеенко. В ответных письмах в Варшаву член Коллегии НКВД на правах старого товарища (именно Стомоняков – бывший соученик Антонова-Овсеенко по Воронежскому кадетскому корпусу – убедил его примкнуть к социал-демократам) преподавал полпреду урок марксизма: "Нельзя... преувеличивать значения заявлений Вержбицкого и Квятковского. Необходимо иметь в виду экономические корни агрессивности крупного польского промышленного и финансового капитала. Федералистическая концепция Пилсудского, несомненно, отвечает интересам крупного польского капитала"²⁰. Полпред упорствовал: "Информация о рабочем движении и о положении в компартии, даваемая нашей печатью, страдает колоссальным преувеличением", "правительство полковников внутренне консолидировалось". Советскому Союзу и впредь предстоит иметь дело с Пилсудским, убеждал он Москву, и ей не следует делать ставку на эндеков, которые "по существу стоят на фашистской платформе", выступая за усиление центральной власти и уменьшение прав Сейма²¹. Позиция Москвы оставалась неизменной, и Антонову-Овсеенко приходилось ждать импульса со стороны польских контрагентов.

Эти ожидания были отчасти вознаграждены, когда 7 августа он нанес А.Залескому прощальный визит перед отъездом в отпуск. "Уже провожая меня, – говорилось в записи полпреда, – З[алески] вдруг заявил: По своему возвращению из Женевы, т.е. в начале октября, я займусь радикально нашими отношениями с Вами (sic). И притом не только экономическими, но и политическими. Надо покончить с тем положением, при котором нас могут рассматривать как орудие враждебных Вам (sic) замыслов". Я ответил: "В добрый час! Мы указали путь к этому"²². Таким образом, Антонов-Овсеенко дал понять, что Москва заинтересована в открытии переговоров о гарантийном договоре, и тем самым вступил на путь неповиновения Наркоминделу.

После возобновления дипломатического сезона в октябре 1930 г. польская дипломатия взяла на себя инициативу в постановке вопроса о заключении согласительной конвенции между СССР и Польшей. Выдвижение на первый план этого вопроса объяснялось тем, что участие обоих государств в пакте Келлога и Московском протоколе 1929 г. означало принятие ими общих обязательств неприменения военной силы в отношении друг друга. С другой стороны, содержание такого, по своему существу чисто двустороннего, политического соглашения как согласительная конвенция исключало из рассмотрения самые трудные вопросы, возникшие в переговорах о пакте ненападения (тем более что в октябре 1930 г. НКВД фактически отказался от сделанной в 1926 г. уступки и заявил, что при заключении пакта ненападения СССР настаивал бы на формуле безусловного нейтралитета). Намечаемая согласительная конвенция выступала частью "индуктивного" подхода, инициатором активного применения которого явился С. Патек. Перед отъездом в отпуск в июне 1930 г. он сообщил

¹⁹ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 22.5.1930 (копии направлены Сталину, Ворошилову, Крестинскому). – Там же. Л.57-55; Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 30.5.1930. – Там же. Л.62-60.

²⁰ Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 7.6.1930. – Там же. Д.2. Л.51.

²¹ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 24.6.1930. – Там же. Л.76-75.

²² Запись "Разговор с Залеским 7 августа" (приложение к письму Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову (копия А.И. Микояну), 11.8.1930). – Там же. Л.142-141. Полпред высказывал предположения, что слова Залеского отражают "намерения маршала" и следует серьезно готовиться к переговорам о пакте ненападения и торговом договоре (Там же. Л.136).

Б. Стомонякову о разработке им своей программы улучшения советско-польских отношений и о намерении обсудить ее с Пилсудским. Разговор с маршалом получился "трудным", но Патеком оставался оптимистом²³. Возвратившись в Москву в конце сентября, он заговорил с наркомом иностранных дел Максимом Литвиновым о необходимости "сделать что-либо для улучшения отношения", пояснив, что имеет в виду заключение согласительной, почтово-посылочной, авиационной и пограничной конвенций между СССР и Польшей. Литвинов ограничился уточняющими вопросами и заявлением, что Москва "готова обсудить любые предложения, направленные к улучшению отношений"²⁴. В середине октября посланник посетил Николая Крестинского, после десятилетнего пребывания на посту полпреда СССР в Германии только что приступившего к новым обязанностям первого заместителя наркома (на время отсутствия Стомонякова ему были поручено также ведение дел с Польшей и Прибалтикой), чтобы повторить свои предложения, оговариваясь, впрочем, что "по существу и конкретно он готов будет говорить через полтора-два месяца". Крестинский полагал, что такое поведение Патека "не является серьезным зондажем", предвещающим официальные предложения Польши²⁵.

Однако тогда же (в середине октября) о желании польского правительства вести с СССР переговоры о согласительной конвенции заговорил с советским представителем и сам Залеский. Антонов-Овсеенко советовал НКИД не относиться пренебрежительно к польской инициативе, "напротив – принять ее всерьез и добиваться уточнения польских предложений"²⁶. Руководство НКИД считало, что заключать согласительную конвенцию с Польшей при имеющихся условиях было бы ошибкой. "...Согласительная процедура предполагает, что между двумя государствами существуют хорошие отношения, что конфликтов возникает мало, но что есть иногда потребность один-другой спорные вопросы юридического характера поручить свежим людям, не тем, которые ежедневно в министерствах иностранных дел занимаются этими вопросами и которые не смогли уже договориться", – объяснил Крестинский Патеку, сославшись и на то, что договор между СССР и Германией о согласительной процедуре был заключен через три года после подписания Берлинского договора о дружбе и нейтралитете²⁷. "Особое мнение" Антонова-Овсеенко насторожило его руководителей, и по инициативе наркома Литвинова Коллегия НКИД срочно рассмотрела разногласия по поводу согласительной конвенции и единодушно солидаризировалась с позицией Крестинского²⁸. Польский зондаж был, таким образом, отвергнут.

С другой стороны, «Залеский в порядочной мере "охладел" по возвращении из Женевы», признавал Антонов-Овсеенко, сравнивая высказывания польских дипломатов в августе и октябре 1930 г., «программа, предлагаемая нам ныне Патеком, значительно сужена". В обстановке сложившегося пата НКИД считал, что активность в контактах с поляками следует проявлять лишь при переговорах о советских заказах в Польше и о соответствующих таможенных послаблениях для советского экспорта. Полпред думал иначе: "Надо суженной программе Патека противопоставить свою", включающую договор о ненападении и торговый договор, подкрепив их рядом конкретных соглашений"²⁹. Предложение начать дипломатиче-

²³ Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 6.7.1930. – Там же. Ф.09.Оп.5.П.44. Д.34. Л.144.

²⁴ Запись беседы М.М. Литвинова с С. Патеком, 27 сентября 1930 // ДВП СССР. Т.13. М., 1967. С.523-524.

²⁵ Письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 22.10.1930. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.14. П.149. Д.2.Л.113-111.

²⁶ Запись беседы А. Залеского и В.А. Антонова-Овсеенко, 11.10.1930 // ДВП СССР. Т.13. С.560; Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Н.Н. Крестинскому, 17.10.1930. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.14. П.149. Д.1. Л.184.

²⁷ Письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 22.10.1930. Л.114.

²⁸ Письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 27.10.1930. – Там же. Д.2. Л.109.

²⁹ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Н.Н. Крестинскому, 24.10.1930. – Там же. Ф.09. Оп.5.П.44. Д.32. Л.112. Ознакомившись с этим письмом в ходе своеобразного внутреннего расследования, проводимо-

ское наступление в Польше он, как и прежде, основывал на анализе ее внутреннего положения: "Непосредственной революционной ситуации в Польше не наблюдается. Нет пока и серьезного обострения экономического кризиса. Движение в Галиции носит характер начального аграрного террора и не угрожает сколько-нибудь серьезно польской государственности. Нет симптомов дальнейшего распада ББ. Напротив – дезорганизация и распад в лагере Центролева. Пилсудский имеет огромные шансы на победу на выборах и на оформление "конституционным порядком" фашистского строя в Польше"³⁰.

В начале ноября полпред выехал на несколько дней в Москву. 12 ноября он посетил польскую миссию и беседовал с Патеком, который сказал ему, что не отнесся серьезно к той критике, которой Крестинский подверг идею первоочередного подписания согласительной конвенции, поскольку тот-де был не в курсе его переговоров со Стомоняковым. Патек убеждал советского коллегу в преимуществах своего метода ("многие частные соглашения взамен общих – принципиальных договоров") и выражал надежду, что их беседа возобновляет неформальные советско-польские консультации ("Мы тщетно ждали Вашего ответа, и вот возобновляем разговор"). Согласно записи полпреда, Патек дал понять, что не исключен и предлагаемый Антоновым путь разрешения основных проблем посредством заключения "общего большого трактата", т.е. гарантийного пакта³¹. По версии Патека, разговор закончился тем, что Антонов-Овсеенко взял на себя роль главного посредника между руководителями двух стран и ответственность за дальнейшие переговоры, предупредив посланника: "Не обижайтесь тоже, но я скажу Залескому, что я разговариваю здесь [в Москве] со Стомоняковым"³². В личном общении с руководством НКВД полпред продолжал настаивать на том, что "польскому плану переговоров" – в существование которого в Наркоминделе не верили – "надо противопоставить свой, глубоко продуманный и, в случае успеха, обеспечивающий нам серьезное закрепление наших позиций в Польше"³³.

С этой идеей он и вернулся в Варшаву. Результаты выборов 16 ноября утвердили Антонова-Овсеенко в правильности его прежних прогнозов: "Пилсудский получил свой Сейм... Свобода политического маневрирования (для маршала) увеличена". В аргументации полпреда зазвучал и новый мотив: не оставляя своих внешнеполитических целей на востоке (чему способствует происшедшее "решительное подавление центробежных устремлений на кресах"), «на ближайшее время, поль[ское] пра[вительство] вынуждено считаться с "германской опасностью" как с основной». Необходимость оговорки и кавычек лишь подчеркивает неожиданный, почти революционный для тогдашнего советского мышления вывод Антонова-Овсеенко о том, что угроза Польше со стороны Германии может служить не только платформой советско-немецкой дружбы, но и основой для серьезного сближения Москвы с Варшавой³⁴.

Исполняя предписанный ему демарш (отсутствие информации по делу о взрыве полпредства, оживление белоэмигрантской печати), 22 ноября полпред по своей инициативе заговорил с Залеским о желательности приступить "вплотную к разрешению общих вопросов, в свое время поставленных", – пакта ненападения и торгового договора. ""Но мы по существу к этому идем", возразил З[алеский], "только от частного мы хотим идти к общему... Я,

го в НКВД в январе 1931 г., Стомоняков подметил: "Очевидно, это мнение и подсказало т. Антонову-О[всеенко] его дальнейшую линию, приведшую к известному нашему "предложению"" (Там же. Л.113).

³⁰ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Н.Н. Крестинскому, 24.10.1930. Л.113.

³¹ Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 12.11.1930. – Там же. Д.34. Л.191. Стомоняков не без оснований прокомментировал замечание Патека о Крестинском: "!! Вот нахальство!".

³² Выписка из записи беседы Б.С. Стомонякова с С. Патеком, 31.1.1931. – Там же. Ф.0122. Оп.15.П.154. Д.2. Л.69-68.

³³ См.: Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Н.Н. Крестинскому, 22.11.1930 (№. 457). Л.191.

³⁴ Там же. Л.192-191.

впрочем, не возражаю и против вашей постановки вопроса. На днях я увижусь с маршалом и тогда смогу сообщить вам точно, каков окончательно наш план переговоров". К ярости сотрудников НКВД, на вопрос министра о том, где советская сторона хотела бы вести такие переговоры, Антонов-Овсеенко ответил, что это не имеет значения³⁵. Двумя неделями позже Антонов-Овсеенко на завтраке у Т. Голувко (переведенного с должности руководителя Восточного отдела МИД на пост руководителя фракции ББ в Сейме) услышал от него одобрителный отзыв о "новых-де предложениях с нашей стороны". Полпред возражал лишь против слова "новых": "Предложение о заключении торгового договора не ново..., предложение пакта неагрессии мы никогда не снимали". Для доказательства мирных намерений Польши влиятельный пилсудчик с редкой откровенностью заговорил о давлении, испытываемой ею со стороны Франции и Германии, заинтересованных в активном противодействии СССР, в особенности – "о непрестанном давлении из-за границы... к примирению с Германией за счет Литвы и нас [СССР]». "Конечно, – передавал полпред слова Голувко, – такие предложения бывали. И, конечно, если бы мы отдали немцам Коридор и м[ожет] б[ыть] часть В[ерхней] Силезии, они б поддержали нас в овладении Литвой и вошли б в союз с нами против вас. Но маршал никогда на этой не пойдет"³⁶. За этой неофициальной реакцией вскоре последовало заявление министра иностранных дел.

10 декабря Залеский сообщил полпреду, "что маршал считает необходимым поставить вопрос о них ["наших взаимоотношениях"] с надлежащей широтой, относясь, в частности, положительно к подписанию пакта о неагрессии". Министр добавил, что через несколько дней новый директор Восточного отдела Т. Шетцель должен представить ему программу предстоящих переговоров с СССР. "Полной уверенности в том, что намерения поляков на этот раз серьезны, у меня, впрочем, нет", – заканчивал свой доклад Антонов-Овсеенко³⁷.

Гораздо больший скепсис проявила к заявлению Залеского Москва, имевшая к тому же перед глазами предельно уклончивого Патека (до конца декабря он избегал встреч с руководителями НКВД, а при эпизодических обменах мнений "не сказал ничего сколько-нибудь нового и существенного"). "...Я первый буду рад признать свою ошибку, – писал Стомоняков, – если на этот раз слова Залеского выходят из рамок таких разговоров, которые, как это полезно отметить, не раз уже совпадали с моментами резкого обострения польско-германских отношений. Я думаю, однако, – и в этом мы здесь, кажется, все согласны, – что слова Залеского не отражают никакого перелома в польской политике в отношении СССР, и что никаких серьезных намерений у Пилсудского в отношении сближения с нами и теперь нет. В крайнем случае, речь, может быть, идет на польской стороне о том, чтобы втянуть нас в такие несерьезные переговоры с целью, с одной стороны, оказать воздействие на Германию и сделать ее более сговорчивой в отношении Польши, и с другой стороны, вызвать в Германии недоверие к нашим намерениям в отношении Германии". Наконец, Стомонякова встретили ответы полпреда на замечания Голувко о новых советских предложениях: "...О какой "новой постановке" идет речь? Делали ли Вы какие-нибудь предложения полякам?" — "...Нам никоим образом не следует брать на себя инициативу новых разговоров с поляками о гарантийном пакте или о торговом договоре: без какой бы то ни было пользы для нас такая инициатива лишь вызвала бы у поляков представление о слабости нашего положения и о чрезвычайной нашей заинтересованности в торговом договоре"³⁸.

³⁵ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Н.Н. Крестинскому, 22.11.1930 (№. 458). – Там же. Л.198-197. Изложение этой беседы МИД 25 ноября направил в польскую миссию в Москве (см.: Pismo A. Zaleskiego do St. Patka, 23.12.1930); этот документ пока обнаружить не удалось.

³⁶ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 6.12.1930. – Там же. Л.206, 203.

³⁷ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 12.10.1930. – Там же. Д.1. Л.211; Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко (запись 10 декабря). – Там же. Ф.09. Оп.5. П.44. Д.34. Л.202.

³⁸ Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 16.12.1930. – Д.2. Л.124-122.

Антонов, вероятно, понимая, что толчок к возобновлению переговоров между СССР и Польшей уже дан, на этот раз взял под козырек и заявил, что "строго следовал инструкциям Коллегии. Поэтому никаких своих предложений я полякам не делал. Мои разговоры были зондажного свойства". В рамках складывавшегося у Антонова-Овсенко собственного видения польской политики уклончивость Патека получила благоприятное истолкование. "Окончательная установка в отношении нас была принята маршалом лишь в последнее время..., – писал он Стомонякову 20 декабря, – Патеку, наверное, даны были инструкции пока, до получения новых указаний, воздержаться от разговора с Вами, так что это его воздержание может как раз свидетельствовать о более серьезных намерениях поляков, чем проявленные Патеком"³⁹.

В предновогодние дни 1930 г. и в НКИД, и в советской миссии в Варшаве, приученных к неторопливости польской дипломатии, не ждали никаких потрясений, тем более что сотрудники МИД были распущены на праздники, а Пилсудский выехал на Мадеру. Его отъезд, не без затаенной надежды писал Стомоняков, "снимает, вероятно, на долгое время с повестки дня какие-либо серьезные шаги с польской стороны"⁴⁰. Советские деятели пребывали в неведении о том, что накануне Рождества Залеский направил известие Патеку ("do wyłączonej wiadomości Pana Posła") о том, что маршал Пилсудский «в принципе решил принять предложение (prorozusja) Овсенко об актуализации до настоящего времени в действительности никогда не прекращавшихся переговоров" о заключении "układu politycznego" и торгового трактата. Министр разъяснял, что в проекте политического договора, который он намеревался передать советскому посланнику после Нового года, "главное ударение мы сделаем на проблеме согласительной процедуры (koncytacji), украсив его двумя или тремя статьями, основанными на Пакте Келлога и Протоколе Литвинова". Несмотря на то, что такое соглашение о неприменении силы и мирном разрешении споров должно было отличаться от гарантийного договора (договора о ненападении) МИД рассчитывал применить к нему принцип "круглого стола" – "обеспечить как для Балтийских Государств, так и для Румынии возможность одновременного участия (przystąpienia) в идентичном соглашении". Одновременно (или даже ранее) польским посланникам в Бухаресте, Риге, Таллине и Хельсинки была направлена телеграмма MSZ о "предложении Овсенко" и принципиальной позиции Польши в этом вопросе⁴¹. Уже 30 декабря М.Арцишевский передал это сообщение премьеру Латвии Цельминсу⁴².

В первые дни 1931 г. в Наркоминдел стали поступать сообщения о демарше Арцишевского и о попытке польской миссии уже 2 января "через московских инкоргов протолкнуть в западноевропейскую печать сообщение о том, что между НКИД и Миссией начались переговоры"⁴³. Руководители Наркоминдела решили действовать безотлагательно. Решением Коллегии НКИД 3 января Крестинскому и Стомонякову было предписано: "Разъяснить германскому посольству в Москве, что никаких новых фактов в советско-польских переговорах за последние дни не произошло. Такие же заявления поручить сделать полпредам в Берлине и в Прибалтике при первом удобном случае"⁴⁴. Однако в тот же день в румынской газете

³⁹ Письмо В.А. Антонова-Овсенко Б.С. Стомонякову, 20.12.1930. – Там же. Д.1.Л.215.

⁴⁰ Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсенко, 26.12.1930. – Д.2. Л.130.

⁴¹ Pismo A. Zaleskiego do St. Patka, 23.12.1930 //ДиМСПО. Т.V. С.473.

⁴² Raport M. Arciszewskiego do MSZ, Ryga, 30.12.1930. – AAN. Ambasada RP w Moskwie. Т.21. S. 18-19.

⁴³ Справка 1-го Западного отдела НКИД СССР о переговорах с Польшей о гарантийном пакте (1927-1931), 16.8.1931. Л.142. 3 января телеграмму о начатых торговых переговорах и о том, что НКИД обуславливает их заключением пакта ненападения, отправил из Москвы корреспондент "Kölnische Zeitung" Юст (Just) (см.: Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсенко, 6.1.1931 (копия). – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.33.)

⁴⁴ Выписка из протокола № 1 заседания Коллегии НКИД от 3.1.1931. – Там же. Л.31.

"Lupta" появилось сообщение о том, что, стремясь к срыву переговоров о возобновлении польско-румынского союза, СССР предложил Польше "арбитражное соглашение", включающее обязательства неучастия во враждебных группировках⁴⁵. В комментарии польского АТЕ это известие было подправлено: "Следует считаться с возможностью заключения нового пакта о неагрессии между Советами и пограничными государствами"⁴⁶.

Получив эти известия Литвинов дал распоряжение опубликовать официальное категорическое опровержение: "Никакие переговоры о каком бы то ни было соглашении между СССР и Польшей за последнее время не имели места"⁴⁷. Оно открыло необычную кампанию советской дипломатии по дезавуированию сведений о подготовке политического соглашения между Москвой и Варшавой. Сообщения на этот счет – не более чем польская пропагандистская акция, убеждал Стомоняков итальянского посла в Москве, которая "преследует особые политические цели": "сделать более сговорчивой Румынию", "оказать воздействие на Германию", "укрепить и углубить свое влияние в Прибалтике"⁴⁸. Советские разъяснения звучали не слишком убедительно. Члену Коллегии НКВД "было видно, что он [Б.Аттолико] не верит нашим опровержениям и считает, что мы таки действительно сделали предложение Польше". Таким же был итог беседы заведующего 2-м Западным отделом НКВД с советником германского посольства: "У меня все же создалось впечатление, что Твардовский нам не верит"⁴⁹. Со своей стороны, в разговорах с членами дипломатического корпуса в Москве С.Патек давал понять, что предложение начать переговоры о политическом договоре было сделано полпредом Антоновым-Овсеенко в беседе в Залеским 22 декабря. Узнав об этом, НКВД поручил полпреду встретиться с министром и напомнить ему, что на этой встрече советская сторона заявила протест против выступления польского делегата в Комиссии по разоружению и не вносила каких-либо предложений⁵⁰. "Если Залеский предлагает начать переговоры, – говорилось в инструкции НКВД, – Вы готовы выслушать его предложения. Нужно, чтобы Ваш разговор лишил поляков всякой возможности с каким-либо основанием ссылаться на Вашу инициативу насчет переговоров"⁵¹.

Тем временем в Варшаве представители польского правительства выражали свое несогласие с официальным советским заявлением от 5 января. "Мы вот не могли себе разъяснить, почему вашему правительству потребовалось с такой чрезвычайной категоричностью говорить об отсутствии каких-либо переговоров с нами... – говорил полпреду госсекретарь МИД Юзеф Бек 10 января. – Ведь переговоры все же имели место, г. Патек начал их по поручению правительства". После реплики Антонова-Овсеенко, что рассуждения Патека никак нельзя считать началом переговоров, Бек добавил: "Это все очень жаль. Дело, может быть, двигалось не так быстро, как этого бы хотелось, но все же оно продвигалось..." На попытку Антонова-Овсеенко перевести разговор на хозяйственные вопросы Бек реагировал изъяс-

⁴⁵ По данным итальянского посольства в Бухаресте, утечка информации из МИД Румынии была организована чиновником этого министерства графом Лаховари (Лабовари?) вопреки желанию министра Г.Миронеску (Выписка из записи беседы Б.С.Стомонякова и Б.Аттолико, 1.2.1931. – Там же. Л.73). Сходное объяснение дала и германская печать (см.: Polonia. 19.1.1931).

⁴⁶ Express Poganny, 4.1.1931 (цитируется по переводу).

⁴⁷ Известия. 5.1.1931.

⁴⁸ Так же объяснялись цели польской дипломатии «при распространении слухов о нашем мнимом предложении» в письме Стомонякова полпреду СССР в Эстонии от 7 января 1931 г. (сообщено автору А.И.Рупасовым).

⁴⁹ Запись беседы Б.С.Стомонякова с Б.Аттолико 9.1.1931 (запись 16.1.1931). – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154.Д.2.Л.35-33об; Выписка из записи беседы Б.Е.Штейна с фон Твардовским и Г.Хильгером, 11.3.1931. – Там же. Л.38.

⁵⁰ Это соответствовало действительности (см.: Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 24.12.1930. – Там же. Оп.14. П.149. Д.2. Л.220).

⁵¹ Письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 10.1.1931 (копия). – Там же. Оп.15. П.154. Д.2. Л.37.

нием надежд, что "улаживая эти дела, мы подготовим почву для иного". "Маршал говорил, – продолжал любимый ученик Пилсудского, – что между Россией и Польшей было всякое – и поляки были в Москве, и русские в Варшаве. С подобным сосуществованием надо раз навсегда покончить. Надо установить твердые, на основе существующего пограничного договора, отношения и надо уладить все основные спорные вопросы, чтобы к ним не возвращаться. Такова и есть линия нашей политики"⁵². Свое недоумение по поводу реагирования ТАСС на заметку в "Lupta" полпреду выразили также главный директор "Левиафана" Вежбицкий и руководящие деятели министерства промышленности и торговли. "Недовольство в этих польских сферах вызвано, несомненно, учетом того впечатления, какое наше опровержение произведет на Германию и т.д. Но вместе с тем, – отмечал Антонов-Овсеенко, – оно вызывается и категорическим отрицанием нами фактов, имевших место"⁵³.

14 января в беседе с полпредом Ю.Бек сообщил о намерении вместе с министром промышленности и торговли А. Пристором организовать встречу советских и польских представителей для обсуждения торговых отношений. Желая соответствовать линии, "как будто ныне взятой" Москвой, Антонов-Овсеенко заявил о предпочтительности конкретных соглашений об устранении препятствий для советского экспорта в Польшу. Бек, напротив, предложил обсудить "более общие вопросы" двусторонних отношений и вновь выразил несогласие с заявлением ТАСС, которое заставляет думать, что СССР "переменил ориентацию". Полпред старательно пытался сгладить ситуацию. С одной стороны, он характеризовал беседы Патека в НКВД как "разговоры" и свои беседы с Залеским как "обмен мнений" (а отнюдь не "переговоры"), с другой – заявил: "Мы всегда отнесемся с самым благосклонным вниманием к серьезным предложениям, способным упрочить дело мира". Однако на вопрос Бека – "Итак, я понимаю, что если бы г. Патек возобновил разговор, он может быть принят благоприятно?!" – Антонов (не имея на то указаний НКВД) дал по существу отрицательный ответ, назвав патековские предложения "мало серьезными". "Но мы, – продолжал настаивать Ю. Бек, – как вам указывал г-н Залеский, не отказываемся от более широкой постановки вопросов. Маршал ее разделяет. Через пару дней г-н Шетцель вернется из отпуска. Я назначил его Директором Восточного отдела. Я поручу ему разработать эти основные вопросы..."⁵⁴

Напряженный обмен мнениями, происходивший между советскими и польскими представителями в Варшаве и Москве (где С. Патек представил Литвинову и Стомонякову собственную версию – о возникновении недоразумения по вине Антонова-Овсеенко), привел к некоторому сглаживанию подозрений НКВД относительно польской "интриги". Нарком метал громы и молнии по адресу полпреда, упрекая его в "поразительной наивности и узости кругозора": "Достаточно было Антонову-О[всеенко] услышать несколько фраз о готовности "заняться всеми вопросами", о каком-то поручении Шетцелю, чтобы поверить в наступление новой эры, во внезапное прозрение Пилс[удско]го и полную переориентацию Польши <...> Ясно одно: Антонов-О[всеенко] не партия для хитрого Бека". Стомонякову поручалось "отчитать его [полпреда] как следует"⁵⁵. В результате определилась следующая официальная позиция НКВД: "Наша линия в отношении Польши остается прежней... Наше предложение о пакте мы никогда не снимали и не предполагаем снимать <...> Слово за Польшей, а не за нами. Польша великолепно знает, что мы все эти годы желали и еще желаем заключить с нею пакт о ненападении. Мы не люди престижа, и если у нас когда-нибудь будет уверенность в действительной готовности Польши разговаривать по-серьезному, а дело будет лишь в том,

⁵² Дневник полпреда В.А. Антонова-Овсеенко, 13.1.1931 (запись от 10 января). – Там же. П.155. Д.7. Л.16-14.

⁵³ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 13.1.1931. – Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.36. Л.12.

⁵⁴ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 16.1.1931. – Там же. Л.19-20.

⁵⁵ Рукописные комментарии М.М. Литвинова на письме В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову 13.1.1931. – Там же. Л.12, 17.

кому первому сказать "а", то мы, само собой разумеется, проявим и активность, и инициативу в деле возобновления переговоров о пакте. При нынешней ситуации проявление инициативы и активности может лишь принести вред". Полпреду предписывалось разъяснять, что в 1927 г. польское правительство само прервало переговоры, "и если оно теперь изменило свое отношение к этому вопросу, пусть оно об этом скажет прямо и искренне, – оно найдет нас всегда готовыми к сближению с Польшей"; до заключения договора о ненападении вести переговоры о согласительной конвенции нецелесообразно. Поэтому следует ограничиться обсуждением конкретных вопросов "ограниченного экономического сотрудничества"⁵⁶.

Итак, Советы ждали проявления Польшей инициативы, что явилось зеркальным отражением позиции, сформулированной А. Залеским в exposé перед сеймовой комиссией по иностранным делам 10 января: "основой нашей иностранной политики в отношении СССР является стремление к упрочению добрососедских отношений как в политической, так и в экономической области, и всякая направленная к тому инициатива... всегда встретит со стороны польского правительства готовность к сотрудничеству по осуществлению этого упрочения"⁵⁷. Ни одна из сторон не желала поднимать вопрос о нормализации политических взаимоотношений, хотя в феврале-марте 1931 г. в варшавское полпредство поступали с разных сторон (от Бека и Шетцеля, Стронского и Семполовской) сигналы о том, что "какая-то предварительная работа вокруг "пакта" ведется в МИД"⁵⁸. В беседе между главами дипломатических ведомств в конце мая в Женеве "слово "пакт" даже не произносилось"⁵⁹. Впрочем, благодаря посредничеству итальянского посла в Москве Б. Аттолико до НКВД дошло заявление А. Залеского (который пожелал встретиться с послом при его проезде через Варшаву в начале мая 1931 г. — явно в расчете на передачу содержания их беседы руководителям Наркоминдела): "Польша в принципе не возражает против заключения нового пакта о ненападении, однако необходимо, чтобы он был "расширением" (extension) пакта Литвинова [1929 г.]"⁶⁰. Этот последний отголосок варшавских бесед конца 1930 г. был скорее предвестием переговоров о договоре неагрессии, начатых по польской инициативе осенью 1931 г.

3. Сталин и дилеммы советской политики на рубеже 20-30-х гг.

Рассмотренные выше документы дают возможность различных толкований. Наиболее простое из них (и устраивавшее как польскую, так и советскую дипломатию) состояло в объяснении возникших недоразумений "фактором Антонова-Овсеенко" и было сформулировано в ходе беседы посланника Патека с наркомом Литвиновым в конце января 1931 г. Позиция Патека, разносторонне им аргументированная, сводилась к тому, что "Овсеенко – большой оптимист, он говорит больше и нам [МИД], и Вам [НКВД]"⁶¹. Руководство Наркоминдела, по обязанности защищая своего представителя, по существу согласилось с патеков-

⁵⁶ Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 20.1.1931 (копия). – Там же. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.53-53об.

⁵⁷ Цитируется по переводу НКВД. В тот же день госсекретарь заявил полпреду СССР: "Gotowi jesteśmy życzliwie rozpatrzyć każdą propozycję" (Rozmowa J. Becka z posłem Owsienko 10.1.1931. – AAN. MSZ. T.6747. S.10).

⁵⁸ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 13.2.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.155. Д.7. Л.43; Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 27.2.1931. – Там же. Л.53-52; Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 19.3.1931. – Там же. Л.74.

⁵⁹ Выписка из дневника наркома М.М. Литвинова, 26.5.1931. – Там же. Л.110.

⁶⁰ Выписка из записи беседы Б.С.Стомонякова с Б. Аттолико, 5.5.1931. – Там же. Л.106.

⁶¹ Запись беседы М.М. Литвинова с С. Патеком 29.1.1931 // ДВП СССР. Т.14. С.51. См. также: Выписка из записи беседы Б.С.Стомонякова с С. Патеком 31.1.1931. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.69-66.

ской интерпретацией событий⁶². Эту версию отчасти подкрепляет польский документ о поведении советского посланника (к сожалению, единственный в этом роде и отражающий заключительную стадию бесед о политическом урегулировании советско-польских проблем) – сделанная Ю.Беком запись его первой встречи с Антоновым-Овсеенко 10 января. Из этой записи очевидно, что полпред приукрасил позицию своего руководства в отношении Польши, заявив: "Istnieje zakorzenione mniemanie, że Marszałkowi zależy na tem, ażeby rana istniejąca pomiędzy Rosją sowiecką a Polska nie goiła się. Jednak i w tej dziedzinie w Moskwie jest już pewna poprawa. Upadło mianowicie przypuszczenie, jakoby Marszałek Piłsudski ulegał jakimkolwiek wpływom międzynarodowym zwróconym przeciwko Sowietom". Явным преувеличением (и превышением компетенции Антонова-Овсеенко) было и указание, что "obecny Rząd sowiecki uznaje, że nie można się mieszać do cudzych spraw wewnętrznych, dlatego też przeciwny jest temu, co wytaczane jest obecnie Polsce na gruncie Ligi Narodów ["pacyfikacja" Malopolski Wschodniej]". Наконец, вразрез с отчетливой позицией своих шефов Антонов-Овсеенко объяснял Беку, что советское опровержение "nie miały na celu zaprzeczania faktu rozmow polsko-sowieckich, lecz dementowało pogłoske o wznowieniu "Konferencji okrągłego stołu". Rząd sowiecki uważa, że wykazał inicjatywę tak w dziedzinie rozmow o pakcie nieagresji, jak i w sprawie układu handlowego, a ze strony polskiej brak dostatecznego echa"⁶³. Даже если считать, что польская запись модифицирует высказывания Антонова-Овсеенко, их сравнение с внутренней советской перепиской указывает, что он далеко выходил за предписанные ему рамки и намеренно представлял позицию "правительства СССР" иначе, чем это делали руководители НКВД.

Возникает, однако, вопрос, диктовалось ли поведение Антонова-Овсеенко лишь его собственными убеждениями либо он действовал в соответствии с некими неофициальными указаниями "правительства". В полемике с Наркоминделом, после того как полпред исчерпал политическую аргументацию в пользу нового курса во взаимоотношениях с Польшей (и эта аргументация была отвергнута), он, наконец, дал свое объяснение происшедшему: "...На сформулированное Патеком предложение поль[ского] пра[вительства], я, по имевшимся директивам (подчеркивание Стомонякова. — О.К.), вернул в разговорах с Залеским, поляков к нашему неснятому предложению о пакте о неагрессии, и Залеский мне заявил, что по указанию Пилсудского (очень важное обстоятельство), поляки готовы к заключению такового пакта..."⁶⁴. К этому месту из письма полпреда член Коллегии сделал помету для своего помощника: "Это, наконец, невыносимо. Прошу точно порыться в переписке и дать справки, какие директивы имел т. А.-О. и что он говорил. Прежде он ведь утверждал, что предложение не делал". Материалы архива НКВД свидетельствуют, что письменных указаний такого рода полпред действительно не получал, во всяком случае, от Наркоминдела. Однако НКВД был не единственной инстанцией, способной дать директивы полномочному представителю СССР. В этом контексте уместно присмотреться к второстепенному ответвлению рассматриваемого сюжета – политическим контактам между польским и советскими послами в Анкаре в ноябре 1930 г.

⁶² Судя по отбору документов для публикации в ДВП СССР, таким было и мнение историков, участвовавших в подготовке этого официального издания в конце 60-х–начале 70-х гг. Вслух же советская историография, разумеется, начисто отрицала какое-либо предложение о пакте со стороны представителей СССР (см.: И.В. Михутина. Советско-польские отношения. 1931-1935. М., 1977. С.26).

⁶³ Rozmowa J. Веcka z posłem Owsienko 10.1.1931. S.8-10. В действительности полпред хорошо понимал, что заявление НКВД (ТАСС) "дает полякам понять, что мы в настоящее время не только против заключения какого бы то ни было соглашения с ними, но и каких бы то ни было переговоров с ними" (Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 13.1.1931. – АВП РФ. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.36. Л.15).

⁶⁴ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 24.1.1931. – Там же. Л.37.

В первой декаде ноября, по возвращении из Москвы посла СССР в Турции Якова Сурица, состоялись две его встречи с послом Казимежом Ольшовским, на которых обсуждались проблема "uzdrowienia" отношений между Россией и Польшей. В этой связи Суриц высказался о желательности заключения «пакта о нейтралитете», аналогичного греко-турецкому (что Ольшовский, впрочем, истолковал как пакт "de non aggression"). По мнению советского посла, его правительство могло преодолеть разногласия относительно "круглого стола" путем одновременного заключения договоров о ненападении с Польшей и балтийскими странами и даже с Румынией (с которой у СССР не было дипломатических отношений). Несмотря на то, что анкарские беседы протекали в обстановке свободного обмена мнениями, Ольшовский «ни на минуту не усомнился» в том, что Суриц получил в Москве «polecenie wysondowania terenu w rozmowie ze mną, oczywiście zupełnie nieobowiązującej, w sprawie zawarcia traktatu o nieagresji»⁶⁵. 19 ноября, уже после того, как Сурицу стало известно, что Ольшовский направил в польский МИД рапорт об этих беседах, он кратко телеграфировал о них НКВД. Согласно Сурицу, инициатива исходила от Ольшовского, который "за последнее время атакует меня беседами на тему, как нормализовать наши взаимоотношения", и предлагает заключить двусторонний пакт о нейтралитете, приступить к установлению дипломатических отношений между Румынией и СССР, причем Польша в обмен взяла бы "курс на невозобновление румыно-польского соглашения". "Я, – утверждал Суриц, – уклонился от ответа"⁶⁶. Анализ донесений польского и советского дипломатов (избавим читателя от чрезмерных подробностей) указывает, что независимо от того, кто кого "атаковал" предложением о начале политических переговоров между СССР и Польшей, Суриц отнюдь не являлся пассивной стороной в дискуссиях на этот счет. Его утверждение об обратном свидетельствует лишь о знании того, что занятая им позиция шла вразрез с линией дипломатического ведомства.

Итак, не только посланник СССР в Варшаве, но и его посол в Анкаре одновременно выступили со схожими инициативами, направленными на радикальное улучшение советско-польских отношений и фактически на изменение политического ландшафта Восточной Европы. Вряд ли это можно объяснить простым совпадением или личными контактами между Сурицем и Антоновым-Овсеенко (в 1905 г. они сотрудничали в Варшавском военном комитете РСДРП). Удивительная сама по себе, эта история получила поразительное развитие: Сурицу ответил лично Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Сталин, и этот ответ был утвердительным. "Предложение польского посла заслуживает внимания, – указывал Сталин. – Продолжайте с ним беседу и заявите, что Вы могли бы взять на себя постановку вопроса перед Советским правительством о двустороннем пакте о нейтралитете, если бы могла быть гарантия, что польское правительство действительно готово пойти на такой шаг"⁶⁷. Сталин, таким образом, рассматривал пакт о нейтралитете как ценность *per se*, не пытался обусловить ее уступками со стороны Польши в румынском вопросе (как то подсказывала телеграмма Сурица в НКВД), и вполне допускал, что Москва может официально инициировать переговоры с Польшей о политическом соглашении. Почему инструкция послу не была направлена через руководство и аппарат Наркоминдела (как это делалось даже при передаче срочных указаний Политбюро находившемуся за границей наркому)? Желал ли Сталин, чье мнение столь резко расходилось с позицией Наркоминдела, избежать общения с главой этого ведомства Литвиновым – деятелем, уверенным в себе и бесцеремонным в общении с высшими руководителями⁶⁸? Сталин поручал Сурицу сказать польскому послу, что без получения "такой гарантии"

⁶⁵ Raport K. Olszowskiego do A. Zaleskiego, Angora, 11.11.1930. – AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.26. S. 282-286; Raport K. Olszowskiego do A. Wysockiego, Angora, 13.11.1930. – Tam że. S. 278-281.

⁶⁶ Телеграмма Я.З. Сурица в НКВД, 19.11.1930 // ДВП СССР. Т.13. С.663.

⁶⁷ Телеграмма И.В. Сталина Я.З. Сурицу, 21.11.1930 // Там же. С.669.

⁶⁸ «Дурак!» – не раз приходилось слышать главе советского правительства и члену Политбюро Молотову от номинально подчиненного ему Литвинова (Дж. Хаслам. Литвинов, Сталин и путь, по которо-

он, Суриц, "не решается надавить на Советское правительство, чтобы не попасть в разряд легкомысленных политиков". Однако Суриц никогда не был политиком, не претендовал на это (в отличие, например, от полпреда Аросева) — он был дисциплинированным дипломатом, и ему не нужны были какие-либо "гарантии" для того, чтобы докладывать начальству о своей текущей деятельности. Да и откуда могла взяться мысль, что полпред может "надавить" на свое правительство?⁶⁹ Благодаря скрытой в ней несуразице сталинская фраза выдает существо дела: сам Сталин, стремясь предпринять шаги по налаживанию отношений с Варшавой, не решался "надавить на Советское правительство" — Политбюро и НКВД, чтобы "не попасть в разряд легкомысленных политиков". Не располагая поддержкой со стороны профессионалов Наркоминдела, он опасался ставить на карту свой авторитет без "гарантий" того, что предлагаемое им решение будет иметь успех. Несомненно, в руководящих кругах СССР в октябре-ноябре 1930 г. шли приглушенные дискуссии относительно заключения пактов взаимопомощи с Польшей и другими западными соседями (прежде всего с Финляндией, отношения с которой в 1930 г. были крайне напряжены). В этом контексте становятся понятны придирчивость, с какой Литвинов и Крестинский выспрашивали у Патека о том, как поляки представляют себе политический трактат с СССР, и разговор, который в октябре Стомоняков неожиданно завел с финским посланником Артти об отказе Финляндии подписать договор о ненападении тремя годами ранее⁷⁰.

Другой примечательной чертой послания Сталина в Анкару является его согласие с "дедуктивным подходом" (который неделей ранее, во время своего краткого пребывания в Москве, всячески пропагандировал Антонов-Овсеенко): "Намекните слегка и глухо, что... наличие такого пакта могло бы создать предпосылки для благоприятного разрешения других вопросов..."⁷¹ В конце ноября Суриц "имел с польским послом новую беседу *в духе данной мне директивы*"⁷² (ср. это выражение, лишенное ссылки на источник, с формулировкой Антонова-Овсеенко о том, что он действовал "*по имевшимся директивам*").

О встречах полпредов со Сталиным или его близкими сотрудниками, которые могли состояться во время отпусков и поездок в СССР Сурица (август-октябрь) или Антонова-Овсеенко (июль-сентябрь, ноябрь 1930 г.), нам пока ничего не известно. Прежде и после осени 1930 г. Суриц и Антонов не раз посещали кремлевский кабинет Сталина и, судя по отрывочным данным, их личные отношения с Генеральным секретарем в те годы были весьма доброжелательными. Антонова-Овсеенко притягивало к Сталину-реалисту разочарование в политической линии Троцкого. С первых шагов своей деятельности в Варшаве Антонов-Овсеенко при разногласиях с НКВД часто апеллировал к "сессии" или "инстанции" (Политбюро, Сталину), рассчитывая встретить там большее понимание, и по крайней мере в одном случае заместитель наркома даже просил полпреда самому "написать тт. Кагановичу и Сталину", чтобы они защитили "наши и Ваши интересы" и пересмотрели решение Политбюро⁷³. То немногое, что известно о примечательной личности и положении Сурица в советских

му не пошли // А.О. Чубарьян (отв. ред.). Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917-1991. М., 1993. С.82.)

⁶⁹ По выполнению "московской директивы" сам Суриц описывал свое заявление Ольшовскому в совершенно иных выражениях: "...Не попаду ли я в смешное положение перед своим правительством, раздув впустую кадило" (Письмо Я.З. Сурица Л.М. Карахану, 29.12.1930 // ДВП СССР. Т.13. С.770).

⁷⁰ А.И. Рупасов. Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб, 2001. С.153. По сведениям Артти, в октябре 1930 г. (т.е. еще до своего возвращения в Анкару) проблемы заключения СССР пактов о ненападении касался и полпред Суриц (там же).

⁷¹ Телеграмма И.В. Сталина Я.З.Сурицу, 21.11.1930.

⁷² Телеграмма Я.З. Сурица в НКВД, 27.11.1930 // Там же. С.686 (курсив мой). Взволнованный Ольшовский отвечал, что выражал только свои личные взгляды и готов говорить об этом с А. Залеским в Варшаве, куда он выезжает в ближайшие дни (там же).

⁷³ Письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 5.3.1932. — АВП РФ. Ф.010. Оп.4. П.21. Д.64. Л.15.

кругах, согласуется с оценкой его польского коллеги: "Od szeregu lat prowadzi on z wielkim talentem i z dużym powodzeniem politykę zmierzającą do ujarzmienia Turcji. Osiągnął w tej mierze świetne wyniki... Dzięki temu cieszy się on najzupełniejszym zaufaniem ze strony Politburo a w szczególności ze strony Stalina"⁷⁴. Поэтому, несмотря на неясность того, как именно происходил доверительный обмен мнениями между высшей инстанцией и некоторыми полпредами СССР, обоснованными представляются лаконичные письменные свидетельства о том, что "советское предложение" Польше ("вина" за которое легла на Антонова-Овсеенко) было если не инициировано Сталиным, то пользовалось его поддержкой и отражало его понимание внешнеполитических задач СССР.

Восстановление к лету 1930 г. дружественной атмосферы в отношениях СССР и Германии сопровождалось ее сближением с Францией и Великобританией; в июле 1930 г. французские войска досрочно покинули Рейнланд. В советских кругах оживились подозрения относительно "переориентации Германии" и ее желаний использовать "советский козырь" для укрепления отношений с западными странами в ущерб СССР. К концу 1930 г., благодаря грандиозной московской постановке – процессу "Промпартии", разоблачившему "интервенционистские планы французского генштаба", и взаимному экономическому бойкоту, напряженность между Советским Союзом и Францией достигла апогея. Перед СССР замаячила опасность новой политической изоляции. Для ее предотвращения, по мнению руководителей НКВД, требовалось оберегать отношения с Берлином от всяческих потрясений, одновременно отыскивая пути к примирению с Парижем. Другой вариант – соглашения с Варшавой – был привлекателен возможностью нейтрализовать Польшу как возможного участника и "острия" любой враждебной СССР группировки держав и тем самым обеспечить спокойствие на его западных рубежах. Этот вариант, однако, означал не только необходимость согласиться с влиянием Польши в Прибалтике, но и готовность пойти на разрушение "единственного", с точки зрения Германии, "позитивного фактора, сохранявшегося в русско-немецких отношениях"⁷⁵ – обоюдной заинтересованности в максимальном ослаблении Польского государства.

В силу этих обстоятельств решительный выбор в пользу новой политики был чреват для Москвы огромным риском. С другой стороны, подъем германского ревизионизма, столь явно проявившийся при выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г. (когда нацисты превратились во вторую по числу поданных голосов политическую силу Германии), в неизмеримо большей мере затрагивал интересы Польши, нежели Советского Союза⁷⁶. Соответственно бóльшим был у Москвы и запас времени для наблюдения за ситуацией и подготовки принципиальных политических решений. По этим причинам в конце 1930 г. речь шла скорее о том, чтобы выровнять накренившийся корабль советской внешней политики, и лишь затем выяснить, куда он поплывет дальше. Антонов-Овсеенко отмечал, что политическое соглашение с поляками выгодно СССР уже потому, что придаст его отношениям с Германией большую устойчивость: "Мы бы больше заставили считаться с собой немцев, если б сохранили известную свободу действий. <...> Конечно, в Берлине будут косо смотреть на это наше сближение с Польшей. Но будут и более дорожить сближением с нами, видя, что мы способны вести самостоятельную политику"⁷⁷. Такой подход к задачам советской политики пугал заместителя наркома Крестинского, лучше других понимавшего неприемлемость для гер-

⁷⁴ Raport K. Olszowskiego do A. Wysockiego, Angora, 13.11.1930. S. 280.

⁷⁵ H.L. Dyc. Weimar Germany and Soviet Russia 1936-1933: A Study in Diplomatic Instability. L., 1966. P. 187-188.

⁷⁶ Иную интерпретацию см.: S. Gregorowicz i M.J. Zacharias. Polska — Związek Sowiecki: Stosunki polityczne 1925-1939. Warszawa, 1995. S. 45.

⁷⁷ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонакову, 13.1.1931. – АВП РФ. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.36. Л.16; Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонакову, 16.1.1931. – Там же. Л.22.

манского ревизионизма пакта ненападения между СССР и Польшей⁷⁸. Нарком Литвинов и член Коллегии Стомоняков занимали более сбалансированную позицию и, негодуя по поводу предлагаемого Антоновым-Овсеенко образа действий, в принципе не возражали против его постановки проблемы. Защищая январское опровержение НКВД относительно переговоров СССР с Польшей, Стомоняков утверждал: "...Мы не поможем, а повредим нашим усилиям развивать и углублять отношения с Германией, вызывая в Германии представление о неискренности нашей политики и о готовности в любой момент заключить пакт с Польшей. Я думаю, что во всем НКВД нет ни одного человека, который не желал бы заключения пакта с Польшей. Конечно, такое сближение с Польшей будет неприятно Германии и вызовет некоторое охлаждение ее отношения к нам. Мы без колебания пойдем на это, имея ввиду огромную пользу сближения с Польшей. Совсем другое дело, однако, вызывать в Германии подозрения и, следовательно, содействовать тем самым ухудшению отношений Германии и СССР без всякой пользы для наших отношений с Польшей, как в данном случае"⁷⁹. В этих рассуждениях ощутил привкус самооправдания и политического лицемерия, но, в конечном счете, решающим для Наркоминдела был ответ на вопрос, действительно ли Варшава желает заключения с СССР пакта о ненападении и нейтралитете или она лишь стремится использовать контакты с Москвой по этому поводу для повышения своих акций на международной политической бирже, для оказания соответствующего воздействия на Германию и Литву, Францию и Румынию, Эстонию и Латвию.

4. Пилсудский и пересмотр польской политики

"Брестские выборы" ноября 1930 г. означали стабилизацию режима Пилсудского, приобретшего откровенно диктаторские черты. Пилсудский задумывался о вступлении польской внешней политики в новую фазу, в рамках которой она обретет большую свободу от «nacisku zagranicy» и избавится от преувеличенного, по его мнению, внимания к Западу, от заискивания перед ним⁸⁰. 18 ноября на конференции у Президента Мосьцицкого, на которую были приглашены Славек, Свитальский и Бек, они узнали о решении Коменданта "wzmocnić MSZ, i to jak zawsze, drogą zmian personalnych", прежде всего – путем назначением Ю. Бека,

⁷⁸ В личном послании Антонову-Овсеенко Крестинский отчетливо определил свой подход к отношениям СССР с Польшей: «Я являюсь не только противником переговоров с поляками о пакте [ненападения] в настоящий момент, но и вообще был бы огорчен, если бы нам пришлось заключить пакт с поляками», «я являюсь противником каких бы то ни было переговоров с поляками даже о заключении торгово-договора» (Личное письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 30.1.1931. – Там же. Ф.05. Оп.11. П.78. Д.84. Л.4-5). Наличие в НКВД такой позиции, заявил в ответ Антонов, "заставляет меня сугубо тревожиться за судьбу наших отношений с Польшей" (Выписка из письма В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 5.2.1931. – Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.36. Л.46). Двумя годами позже, в период расцвета курса на советско-польское сближение, Крестинский признал формулировки своего письма начала 1931 г. излишне жесткими.

⁷⁹ Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 20.1.1931 (копия). Л.54об. См. также: O. Ken. *Collective Security or Isolation? Soviet Foreign Policy and Poland, 1930-1935*. St.Petersburg, 1996. P.21. Позиция, занятая в тот период четвертым членом Коллегии НКВД – вторым заместителем наркома Л.М. Караханом, не поддается определению, однако известно, что в 1929 г. он был едва ли не самым горячим сторонником развития отношений с Польшей (быть может, в пику линии, проводимой его противником – М.М. Литвиновым) (см. ниже).

⁸⁰ Было бы излишним рассматривать здесь важнейшие международные обстоятельства, определившие частичный пересмотр внешнеполитической линии Польши, которые подверглись тщательному изучению в польской историографии (J. Krasuski, P.S. Wandycz, H. Bulhak et al.), а именно радикализацию ревизионистских настроений в Германии и укрепление во французской политике курса на сближение с Германией, «веры в возможность этого сближения» (по словам А. Хлаповского). Вполне вероятно влияние и третьего фактора — пересмотра Пилсудским своих оценок 1928-1929 гг. относительно неустойчивости советского режима. Для соответствующего анализа недостает, однако, аутентичных источников.

который пользовался его исключительным доверием и в последние месяцы занимал пост вице-премьера, государственным секретарем МИД. Одновременно Пилсудский советовал заменить Т. Голувко, не сумевшего должным образом использовать свое влияние на Вежбовой, Т. Шетцелем на посту начальника Восточного отдела, "co będzie również wzmocnieniem MSZ i jego polityki, która ma kierunek *najzupełnej fałszywy, gdyż negliguje wschód...*"⁸¹ Эти установки Пилсудского (как и его наставления, данные в те дни лично Ю.Беку⁸²) знаменовали определенный перелом в подходе Варшавы к советской проблеме. По всей вероятности, в НКИД были правы, полагая, что в сентябре-октябре 1930 г "разрешение Патеку разговаривать с нами" было, скорее, «известной уступкой» со стороны Пилсудского⁸³ (как отмечалось выше, сам Патек признавал, что разговор с маршалом летом 1930 г. у него получился "трудным"). Однако гораздо большую политическую проницательность проявил полпред в Варшаве, указывая на складывание новых тенденций в международном положении и позиции Польши. Как показывают цитированные выше записи его бесед с Залеским и Голувко, после «конференции у г-на Президента» с конца ноября на Вежбовой стали готовиться к изменению линии поведения в отношении СССР, и к 10 декабря шеф МИД получил сигнал о том, что Пилсудский отказывается от установки на "индуктивный" способ ведения дел с Советами⁸⁴, и считает нужным начать переговоры о взаимоотношениях СССР и Польши "с надлежащей широтой, относясь, в частности, положительно и к подписанию пакта о неагрессии".

В какой форме и на каких условиях Польша приступит к этим переговорам оставалось, однако, неясным для всех, включая самих поляков, участников начинавшейся крупной международной игры. При заметных различиях в дипломатической тактике Залеского и Патека (в значительной мере объяснимых различиями в их служебном положении и темпераменте) они, по всей вероятности, тяготели к тому, чтобы обойти трудности, связанные с пактом ненападения, и вместо него предложить Советам соглашение о неприменении силы и согласительной процедуре⁸⁵. Лишь позднее Залеский стал осторожно зондировать (через посольство Италии в Варшаве) возможность включения в будущий договор "какой-нибудь специальной клаузулы, которая исключает участие в соглашениях, направленных против другого контрагента"⁸⁶. "Новые люди" – Бек и Шетцель – до конца 1930 г., по существу, не успели приступить к своим новым обязанностям. Судя по содержанию и тональности заявлений Бека в начале 1931 г., он был готов действовать решительнее своего шефа и потому не спешил предрешать характер польского "ответного" предложения. Вполне вероятно, что полпред правильно оценил ситуацию в МИД Польши, когда указывал на неавторитетность объяснений, которые Патек дал Литвинову в конце января 1931 г.: "Скорее всего, Патека почему-то не сочли нужным держать в курсе "новой" (с укреплением маршала) политики, которую взяли делать новые люди"⁸⁷.

В Москве проявили непонимание смысла перемен в МИД, полагая, что "назначение полковника Бека и полковника Шетцеля и дальнейшее сращивание польского дипломатического аппарата с аппаратом польской разведки и подчинение польского мининдела контролю польской военщины не говорят о мирных намерениях Пилсудского и о желании укрепить и

⁸¹ K. Świtalski. *Diariusz 1919-1935*. Warszawa, 1992. S.607 (курсив мой).

⁸² W. Pobóg-Malinowski. *Najnowsza historia polityczna Polski. 1864-1945*. T.2. Cz.1. L., 1956. S.544.

⁸³ Письмо Н.Н. Крестинского В.А. Антонову-Овсеенко, 22.10.1930. – АВП РФ. Ф.0122. Оп.15. П.154. Д.2. Л.111.

⁸⁴ См.: J. Beck. *Polska polityka zagraniczna w latach 1926-1939*. Paryż, 1990. S. 51-52.

⁸⁵ Иное объяснение желания Залеского сделать главный акцент на согласительной процедуре см.: W. Materski. *Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918-1939*. Warszawa, 1994. S. 243-244.

⁸⁶ См.: Выписка из дневника наркома М.М. Литвинова, 4.2.1931 (прием Аттолико 4 февраля). – АВП РФ. Ф.0122. Оп.122. П.154. Д.2.Л.70.

⁸⁷ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 5.2.1931. – Там же. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.36. Л.45.

развить добрососедские отношения с СССР"⁸⁸. Мысль "о роли военщины" как препятствии к сближению Польши с СССР глубоко запала в ум Литвинова, и он не стеснялся выражать ее открыто (что впоследствии усиливало недоброжелательное отношение к нему Ю.Бека)⁸⁹. В результате в разглашении сведений о начинающихся советско-польских переговорах Москва усмотрела польскую интригу (а не румынскую (сообщение "Lupta") или германскую (оно получила широкое хождение благодаря агентству "Konti"), как полагал Антонов-Овсеенко). Удар, нанесенный официозным советским опровержением по политическому самолюбию Варшавы, понуждал МИД к максимальной сдержанности, а польскую миссию к ответным пропагандистским усилиям⁹⁰. И то, и другое укрепляло НКВД в невозможности серьезных переговоров с Польшей, и Стомоняков риторически сожалел о "неблагодарной роли", которая "выпала на долю Патека, имеющего задание от Пилсудского прикрыть его политику в отношении СССР" – "держать рану "открытой""⁹¹. Антонов-Овсеенко, на которого пал *odium* вины за инцидент, испытывал глубокое разочарование и в феврале 1931 г. также заговорил о "победе в правящих кругах Польши непримиримо-враждебных нам тенденций"⁹².

Вместе с тем переговоры с Советским Союзом являлись для польского руководства частью общего поворота к укреплению своих позиций на востоке Европы. Поэтому Варшава стремилась избежать впечатления, что нормализация отношений с Москвой может быть чревата ослаблением союза с Румынией и политических связей с балтийскими государствами. Почувствовав, что польские поводы ослабли, некоторые из них могли вскачь пуститься к достижению договоренности с СССР о столь желанном для них пакте ненападения. Вслед за выполнением предписанного в конце декабря демарша, польский посланник в Риге выражал сомнение в стойкости и последовательности правительства Цельминса в случае открытия советско-латвийских переговоров, а спустя полтора месяца новый премьер Ульманис уже прямо заявил полпреду Свицерскому о готовности Латвии подписать пакт с СССР, если Варшава и Москва вступят в переговоры на этот счет⁹³. С другой стороны, сколь бы глубоким ни было разочарование в готовности Франции отстаивать интересы Польши перед лицом расцветавшего германского ревизионизма, налаживание отношений с СССР в условиях советско-французской холодной войны конца 1930 – начала 1931 г. требовало от поляков чрезвычайной осмотрительности в выборе дипломатической тактики. "Несомненно, что даже своим союзникам поляки должны были преподнести эти, по их инициативе, намечавшиеся переговоры как предпринятые-де нами", – справедливо отмечал Антонов-Овсеенко⁹⁴.

Наконец, по своему существу надежная стабилизация мирных отношений между Польшей и СССР требовала крупных ("концептуальных") взаимных уступок, и ни одна из сторон не торопилась ослаблять свои переговорные позиции, выказывая нетерпение или чрезмерную заинтересованность⁹⁵. В этом отношении бесплодным было бы продолжение

⁸⁸ Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсеенко, 16.12.1930. – Там же. Ф.0122. Оп.14. П.149. Д.2. Л.122. В ответ полпред напомнил: "Голувко ни в коем случае не меньший второотделец, чем Шетцель, а Бек ни в коем случае не более враждебен нам, чем Высоцкий" (Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 13.1.1931. Л.14).

⁸⁹ См.: Выписка из дневника наркома М.М. Литвинова, 26.5.1931. Л.110; J.Beck. Op.cit. S. 103.

⁹⁰ См.: Рапорт Г. фон Дирксена в МИД Германии, 27.1.1931 // ДИМСП. Т.V. С.480-481.

⁹¹ Выписка из записи беседы Б.С. Стомонякова и Б. Аттолико, 1.2.1931. Л.72

⁹² Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякова, 8.2.1931 ("К делу Полянского"). – АВП РФ. Ф.09. Оп.6. П.52. Д.36. Л.50. Помета Стомонякова: "Also...".

⁹³ Raport M. Arciszewskiego do MSZ, Ryga, 30.12.1930; А.И. Рупасов. Указ. соч. С.154. Действительно, когда переговоры о пактах ненападения стали в 1931-1932 гг. реальностью, Москва без большого труда расстроила столь желанную Польше их синхронность (см. ниже).

⁹⁴ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 13.1.1931. Л.14. Удивительна помета Литвинова: "Зачем?".

⁹⁵ В этом смысле отбытие Пилсудского на Мадейру 12 декабря 1930 г. ничуть не противоречило тому обстоятельству, что решение идти на переговоры с Советами было им "w zasadzie" уже принято

спора семидесятилетней давности о том, что явилось главной причиной срыва намечавшихся переговоров: директива МИД, оповестившая друзей Польши и через них весь мир о «предложении Овсенко», или же публичное отрицание НКВД каких бы то ни было переговоров с Польшей.

Рассмотренные выше события конца 1930 -- начала 1931 г. позволяют увидеть, как в силу обоюдных потребностей во взаимоотношениях СССР и Польши исподволь, едва ли не "стихийно", вновь возникла идея политического урегулирования на основе принятия взаимных обязательств ненападения (или неприменения силы) и мирного урегулирования возможных конфликтов. Почти одновременно (ноябрь -декабрь 1931 г.) эта идея получила несомненную поддержку со стороны как Сталина, так и Пилсудского. Для ее реального воплощения были, однако, необходимы, с одной стороны, психологическая готовность и профессиональная способность дипломатических ведомств обеих стран отыскать такую формулу вступления в официальные переговоры, при которой связанные с этим неизбежные риски удалось бы свести к минимуму, и, с другой, эффективная государственная система, обеспечивающая принятие и исполнение внешнеполитических решений. Парадоксально, что сколь бы неотчетливыми ни выглядели "персональные методы" Пилсудского, гораздо большие трудности в этом отношении представляла политико-бюрократическая машина "раннего сталинизма", функционировавшая по отживавшим свой век формальным правилам.

В силу этих обстоятельств – и после польских демаршей в Бухаресте и Риге, опровержения с советской стороны, взаимных обвинений в нелояльном поведении -- вступление СССР и Польши в официальные переговоры о пакте неагрессии уже в 1931 г. выглядело почти невероятным.

(иную интерпретацию см.: P.S. Wandycz. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926-1936: French-Czechoslovakian-Polish Relation From Locarno to the Remilitarization of Rhineland. Princeton, NJ, 1987. P.207-208).